

Беженцы пишут

ОНИ НЕ ВЕРЯТ, ЧТО
ДОМОЙ МОЖНО
БУДЕТ ВЕРНУТЬСЯ.
НО ВЕРЯТ, ЧТО ЗА ВСЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРИДЕТ НАКАЗАНИЕ

«НЮРНБЕРГ БУДЕТ!»

— Пожалуйста, не называйте наши фамилии. Мы бежали из Луганска. Но война для нас не закончилась. Я была там активисткой ополчения. И остаюсь ею сейчас. Пусть мы не воюем. Но здесь мы собираем информацию. Есть такая «Белая книга». Мы отправляем в нее все свидетельства о преступлениях украинской армии. Я смогла провезти через границу видео, как солдаты нацгвардии убили ребенка при матери. Нюрнберг будет. Палачи за все ответят. Эта книга обеспечит приговор каждому убийце. Но сейчас они ищут нас. Даже здесь, в Ленобласти. Не называйте наши имена...

Так говорила со мной молодая красивая женщина, бежавшая из-под Луганска, чей брат остался в ополчении, чья тетька живет... или уже не живет в Горловке. А она с дочкой была эвакуирована в Ленинградскую область, где им предоставили убежище под Куйвози.

Корреспондент «Вечернего Петербурга» объехал места временного расселения беженцев из Украины — бывший детский сад местной воинской части, бывшую турбазу одного из петербургских заводов... И там, и там достаточно ветхие домишки. Но, как говорят сами беженцы, это временное убежище, так как все они собираются работать и устраивать жизнь на своей, наверное, второй родине. И она — уже

не временное убежище. Потому что никто из них не верит, что когда-нибудь можно будет вернуться домой.

— А что там делать? — спрашивает Ирина. — Шахты в Луганске разбиты, фабрика разрушена. Людям уже есть нечего. В магазинах пусто. Одна соль. И цена — 7 гривен. Оттуда надо всех вывозить.

Она сидит на крыльце у открытой двери желтого одноэтажного дома. Это бывший детский сад воинской части. Знаете,

говорят, если какое-нибудь место долго для чего-то использовать, то потом очень сложно это предназначение изменить. Местные власти, получив детсад от военных, хотели приспособить его как клуб для своих активных бабушек. Но вот беженцы приехали. Больше поселить их было некуда. Так вот теперь вокруг этого дома носятся и играют дети. Теряют кота, также вывезенного из Луганска с семьей. Катаются на качелях. Делают куличики. Катают машинки. Благо гуманитарной помощи много.

В доме, правда, не очень уютно. Большие помещения, даже не разделенные перегородками. Ровными рядами койки. Две с краю занимают муж с женой. На соседней — мама с ребенком. Дальше еще мама. Дальше подростки. Но все уживаются. Благодарят. Говорят, не ожидали такого теплого приема.

Коридор в доме беженцев, приемная в местной администрации, классы соседней школы, холодильник сельского университета просто завалены вещами и продуктами.

— Но нам еще предстоит очень серьезная работа, — говорит и. о. главы Куйвозинского поселения Сергей Румановский. — Ведь это только начало. У нас один депутат — полковник запаса — все войны современности прошел. Последняя — война в Осетии. Он возил в Ростовскую область наш автобус с гуманитарной помощью, обратно вез беженцев. Так даже он говорит: «Сколько воевал, но такого не видел. Ребята, людей из-под Луганска и Донецка надо вывозить, вывозить и вывозить. Эшелонами. Скоро там будет выжженная земля». Так что еще будут бежать и бежать. У нас сейчас 52 человека. И это те, кто реально хлебнул войны. В основном женщины с детьми. Мы ждем сотрудников УФМС для оформления документов. Не повезешь же весь табар с детьми на улицу Смольчкова! Все уже хотят работать, свое жилье... Хотя бы снимать. Несколько человек в Сертолово устроили.

Подростков на полторы смены в лагерь отправим. Освободятся места, поедем за новыми беженцами.

— Если кто-нибудь там остался, — мрачно пошутила одна женщина.

Шутку пояснила Лидия:

— Мы в коридор, который ополченцы два часа держали, еле проскользнуть успели. Нам позвонили. Говорят, давайте срочно! Мы взяли такси, похватили вещи, кота — и на границу, в Северный. Там через КПП — и в лагерь. А сын мой чуть ли не лесами уходил. Он для порошковского режима — дезертир. Срочную отслужил. Еще Янукович его роту выводил на майдан. Так что он еще и майдановец. А потом мобилизация. Мальчишек отслуживших всех собрали и вернули в войска. Сыну вовремя подсказали, что надо уходить. Он к друзьям — в Петербург. Мне звонил в Луганск: «Мама, уезжай». Сказала — уеду, когда дома начнут рушиться. Когда начали, уехала.

— Я на такси к границе мчался, — рассказывает Виталий (он с женой тоже из Луганска бежал), — брат мой в Киев поехал. У него бизнес и связи. Говорит, ему легче в Киеве все с нуля начать. А родители в Луганске остались. Говорят, мы работать уже не можем. Что мы поедем — на шею садиться? Не хотим быть обузой. Вчера звонили. Говорят, в соседний дом два снаряда попали. А мы уже только УФСМ ждем. Работать хотим. К нам сюда предприниматели местные приходили, работу предлагали.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Прощались. Поехали к другой группе беженцев, в соседнее поселение. Пока ехали, Сергей Румановский рассказывал:

— Мы сами предложили беженцев принять. Только так быстро все произошло, что сегодня поняли: завтра приезжают. А у нас конь не валялся. Койки военные дали, еще часть в «Икее» купили, на турбазе мы все — работники администрации — ре-

Женщины ждут документы от УФМС. Без них они не могут работать.

Большие спальные помещения даже не разделены перегородками.